

РОСЧЕРК

«Согрей...» – и, словно отзвуком: «Скорей...»;
молитве не дают распространиться
блокада стен,
бойницы батарей,
знамёна отрывных календарей,
убитых дат
крещёные гробницы.

Так мир порой предательски велик,
что,
каждою верстой творя картины,

он этой же верстой отдалит
две точки на поверхности земли,
которые стремятся стать единым.

Всё против шерсти, горла поперёк,
Бог говорил терпеть –
да как утерпишь?
И в тёмный час
под тусклым фонарём
душа, ушедшая на век вперёд,
который раз задаст вопрос о смерти.

Остаться нужно росчерком пера –
стремительным, немного угловатым,
таким,
что до конца не разобрать,
и убеждённым в том, что жизнь – игра,
что игроки
ни в чём не виноваты.

ОРНАМЕНТЫ

От потолка и неоткрытых штор
до улицы,
полуслепой и занятой,
везде в глазах затейливый узор:
орнаменты,
кругом и сплошь – орнаменты.
Снег контуром обнял мощёный сквер
и плотно лёг в закономерность плиток,
и меж ресниц сплетает зимний свет
свои лучи
в слезящееся сито.
В узлах чугунных ниточек оград
как будто
песни мира
отпечатались –
то листья в них несмело шелестят,
а то гнездится
вечность непочатая.
Закономерный в ходе солнца крен
рисует
по своей извечной практике

созвездия летящих фонарей,
им вторящих
оконных звёзд
галактики.

...И ты,
почти что с вечностью в ладах,
льёшь монолиты
фосфорных звучаний,
момента эфемерность навсегда
в орнаменте из строчек
заклячая.

ПРОРОК

В пустыне извёстки, духовною жаждой томим,
тащился пророк за тщеславной мечтой быть последним.
Но вместо того, чтоб явиться, бежал Серафим,
змеиные жала раздав не поэтам – на сплетни.
Наполнен мангал, надо думать, углями сердец.
Зеницы орлов превратились в аш-ди-объективы.
Глаголы остыли. Не жгутся. Застрял в бороде
глас Бога, отвлёкшегося на игру примитивов.
Но лёгший как труп вдруг поднимется и проорёт:
«Вернись! И прости меня!», – крикнет, не зная, похоже,
кому: то ли Богу, проклявшему имя «пророк»,
а то ли любви, до которой добраться не может.
Смирившись, склонившись, едва ли кого-то вина,
и втайне желая ответа на гордость молчанья,
и, как в трёх соснах, заблудившись в оставшихся днях,
пытается боли придать благородство звучанья.
Ошибся пророк – или просто не смог удержать
ту долю судьбы, что лежит за пределом пророчеств.
Теперь... Что теперь? Как поля в ожидании жатв,
спокоен пророк: понимает, что смерть не отсрочить.
Но хочется верить ему, что, уйдя за черту,
оставит потомкам он голоса божьего рокот.
Не зря кровоточили сердце и лира во рту.
Не зря и Творец каждый век возрождает пророка.

ВОВРЕМЯ

Как оказывается вовремя
книжным людям смертельная маска –
для цветущего и для хворого
кульминация и развязка.

Как оказывается вовремя
книжным людям любовь бездонная –
будто в сердце сразу подобрана
сердца встреченного гармония.

Как, однако же, трудно вовремя
осознать, что мы сами – не книжные,
что мы в жизнь как попало вогнаны,
как из песни – в парилке с лыжами,
что живём мы, может, не вовремя –
не во время чего-то большего –
сонмы неба сменили сворами,
обвенчали лебедя с коршуном.

Только так же отыщется вовремя
схожесть в этом бумажном наследии
современности с миром возраста
меньше нынешнего на столетие.

Из-под плинтуса, из-под вороха,
из пучин круговой поруки
как порой достают нас вовремя
книги, к нам попавшие в руки.

СОЗЕРЦАНИЕ

Коротая часы безделия,
разбавляя минуты горечи,
охлаждая секунды радости,
избавляясь от костенения,
погружаемся в созерцание –
поиск сущности в аллегории,
понимание и открытие
находящегося вне зрения.

Иногда – разуверясь в истинах,
проклиная доброжелателей,

пребывая в опустошении,
и боясь своего отчаяния –
заостряем свой взгляд на маленьком,
созерцаем бездвижно, тщательно,
и на внешнее проецируем
всё из недр своего сознания.

И в полученной полувыдумке,
где красоты везде разбросаны,
где ключи от закономерностей
снова тайны в себе несут,
понимаем: никак без сомнения,
мы всегда ведомы вопросами,
и, наверно, недаром сказано
было: cogito, ergo sum.

ДА! ОНИ – В НЕДОСМОТРЕННЫХ СНАХ

...Да! Они – в недосмотренных снах,
за мгновенной стеной отвлечения.
Безвозвратно уносит течение
все гармонии лучших сонат.
Но порою миражный куплет
выгоняет к тропинкам исхоженным
и ведёт по следам недопрожитых –
или недозапомненных – лет.
И, чужими стихами дыша,
со своими, забывшись, их путаешь;
и спокойство, и веру несут они,
замедля взволнованный шаг.
Кровь степенна, как стрелки часов.
Страх исчез перед пропастью тления.
На мгновенье – на век – исцеление.
Впереди, как всегда, новый сон.
Впереди, как всегда, новый звук,
заглушённый души Ниагарою,
заставляющий взяться за старое,
возвращающий – снова – на круг.

КАЖЕТСЯ

Что сказал, пройдя по лезвию ножа,

в ступе мыслей перемалываю в кашицу.
К пониманию не ближе ни на шаг –
только кажется,
и кажется,
и кажется...

Пирамидой на столе вознёсся хлам,
усыпальница покоя и порядка,
запрещающая отлучаться по делам,
поднимая муть вчерашнего осадка.

Старый глобус на английском языке –
для земли не сыщешь лучше параллели.
Есть десятки стран на узком пяточке,
нашу прокляли – простор не пожалели.

Остаётся пить с ковром на брудершафт,
чей-то новый грязный след в себе заметив.
Знать, не всем даётся счастье удержать,
да и есть ли кто счастливый на планете?

Золотистый с чёрной крапинкою шар
затуманила костлявая рука жнеца.
К пониманию не ближе ни на шаг –
только кажется,
и кажется,
и кажется...

ОН, или РУССКИМ КЛАССИКАМ

Мир на нас, гостящих, смотрит строго
сотней глаз из-под веков-забрал.
И никто не поцелован Богом –
Бог целует тех, кого забрал.
Заглянувший за вуаль при жизни,
впрочем,
предвкушает поцелуй.
И, недораспятый, он повиснет
меж эпох,
похожий на скалу.

Он готов быть повсеместно раздан –
быть для всех;
он даже сам спешит

ни к кому – и в лица всем и сразу –
говорить – кричать – про боль души.

И смотреть в глаза – достиг эффекта? –
и твердить про жадную любовь,
и учить всех стойкости, – по Фету, –
и – подтекстом – звать всех за собой.
Раб толстовского консерватизма,
чеховской иронии – в своём
рабстве
волен он. И до трагизма
одинок перед своим врагом.

Одинок, как Чацкий, как Живаго,
с бременем безрукой чистоты.
Бог – его оплот, его отвага.
Мир и время – тяжкие кресты.

ФОРМА

Как третье лицо, за собой наблюдаешь,
и всё отдалилось, и серая свежесть
с дорогою небо равняет,
и брезжат
остатки лучей над ребристой далью.
Пульсары моментов – три шага,
от леса,
что веером веток навевает истому,
до мрака каморки,
родной по-чужому.
Три шага – дорога сгущает безвестность:
к чему-то идя, от чего-то уходим.
Настойчиво, твёрдо, но неуловимо
тоска
по достигнутой наполовину,
неполною грудью вдохнутой свободе
возникнет,
нависнет тяжёлою тенью,
угрюмо гудящим укором,
намёком
невнятно расскажет о верности рока,
о духе и знанье,
о мысли и теле.

Подставит к кровати костыль безупречный
изысканной формы – залога посылы;
отбросить костыль не находится силы –
к холодному дереву тянутся плечи.
...И в эту минуту губительно слово,
лишённое смысла, лишённое связи,
рождённое с общим звучаньем во фразе.
Об мысли, как в берег, убьётся, и снова,
и снова возникнет, и снова нахлынет.
Единственно верное в пытке звучаньем –
отдаться бездумью,
и будет молчанье,
как гонг в суматохе,
как вечер в пустыне.

РАСТВОРЕНИЕ

Крокодильи морды мысов
провожают реку взглядом,
Рябь уходит по-английски,
не прощаясь,
торопясь.
Тени делая длиннее,
день повис,
дыша на ладан –
Ладан,
видно,
задымился
в облаков смурную вязь.

Успокоил нежно ветры
воцарённый полувечер,
И застыла паутина
из корней
и из ветвей.
Мотыльком в неё
вплестись бы,
в рябь березовых насечек,
В шкуру сброшенную сосен,
и, застыв,
внимать листве.

И трамвайчик из мечтаний

мимо рельс
меня уносит.
Жизнь рисуется, как вежи,
всё в грядущем – цепь столбов,
Планы все и ожидания –
вышки на пустынях просек.
Так
среди деревни старой
возвышается собор.

ДО МЕНЯ

До меня
кто-то всё уж давно сотворил:
Землю, видимо, Бог,
человек – остальное,
всё кирпичное,
каменное
и стальное,
к Богу этому вторгнувшись в неба акрил.
До меня всё,
что можно,
изобретено,
и увидено всё,
что доступно для глаза,
континенты открыты
и космос излазан,
лишь не понято
времени веретено.

...Время –
в маленьком смысле –
есть выставка эр,
В нашей эре, похоже,
устроился вирус –
Людям, кажется,
нечего дать больше миру,
Их стремления –
гонка
за стаей химер...
Но не сходится что-то.
Столетия назад
людям тоже их эра казалась последней –

Раз за разом.
Но кто-то
из вроде бы бредней
совершал новый шаг.
Открывал новый взгляд.

Навсегда полупуст наших подвигов зал –
Окрестят через век
и Титаник
корытом.
Верю я:
в мире,
полностью с виду
открытом,
Я скажу то,
что прежде
никто
не сказал.

ДРУГАЯ ЛУНА

На проводе вспыхнули –
тут же погасли –
искры,
и мысли –
с ними –
вспыхнули и погасли.
И снова в погоне,
в погоне за лунным диском
скольжу,
отбиваясь
от гомонов и напраслин.
А лунный диск,
словно жемчуг в глыбе гранита,
в слоях облаков,
как на карте клад,
затерявшись,
куда-то плывет,
повернувшись к чужим орбитам,
и свет свой стелет,
задумчивый и уставший.
И этот свет

мне на завтра упрямо кажется:
вот я,
другой, устремлённый и хладнокровный,
пропавшие чувства
уже не считая пропажей,
вздымаюсь по лунной дорожке,
скользкой,
неровной.
Единый с ночью,
всеведущий,
безграничный...
Но что-то во мне очнулось:
не надо,
не стоит,
не стоит того –
небеса для нас
непривычны,
наше дело простое
и счастье
тоже
простое.
На небо не нужно –
небо – страшные сети,
небо открыто
ценою сотни прощаний.
Другая, другая,
другая луна мне светит –
к себе не зовёт,
дорогу лишь
освещает.

БЕЛЫЕ ПЯТНА

Есть три белых пятна.
Есть три тайны, пока не открытых.
Много лет им ещё
Страсть познания теплится в умах.
Всё, что можно на суше,
Увидено и перерыто,
Но вне тверди мы слепы,
И долго нам рыскать впотьмах.
Нам сперва суждено

Изучить океанские виды,
А затем – разобраться
В небесных межзвёздных сетях.
Отыскать под водою
Величие стен Атлантиды,
На далеких планетах
Увидеть инопланетян.
Мир не склонен кричать,
Мол, я ваш, подойдите, измерьте,
Но к упрямству склонится
Любая на небе звезда.
Всё увидев, что можно,
Мы вспомним, наверно, о смерти,
Что нас ждёт?
Что нас ждёт?
Верю, после ответ будет дан.

Третья ж тайна – навеки в тени
И прекрасна навеки.
Это страсть между душ,
Это пламя звенящих стихов.
Как умеет один
То мгновенно найти в человеке,
Что привяжет сильнее
Верёвок, цепей и оков?
Как умеет влюблённый,
Страдая в страстях и разлуках,
Не сказать,
Что он любит,
Святыни не тронув покой?
Те прошли времена,
Когда брак назначался из лука,
Гордость в страсти нова,
Хоть и, кажется, есть испокон.
Разделённой любви
И в каморке
Для счастья клеток нет,
А несчастной – весь мир
Состоит из стесняющих черт.
И, похоже, понять
Уз любовных премудрость сплетенья
Мы не сможем.

От плоти
Любовь ещё дальше, чем смерть.

ТЫ ЗНАЕШЬ

...Ты знаешь: здесь есть то, что не дано
опошлить до простого восприятия.
Мне мало красок, слов, шагов и нот –
пытаюсь всё сказать, сомкнув объятия.

Я знаю: в них не просто не гарант
ментальной связи – в них, скорей, сомнения...
...Душа – алмаз. Чем больше в нём карат,
тем больше граней, больше искажения.

Мы знаем: мы – алмазы, мир – алмаз,
мы – мир (чем продолжать ассоциации?),
мы – мир – что дальше? сшествие с ума?
мы – мир – вот колыбель вселенской грации?

Ты знаешь...

ЭЛЕГИЯ ОСЕННЕГО ОБНОВЛЕНИЯ

По аркам листьев бледность фонарей
вчера прошла позднее, чем сегодня.
Да, всё быстрее, всё каждый год быстрее,
но осознание к чистоте подводит.
Нов каждый шаг, как будто по воде
ступаешь, главной жертве уподобен.
Прохожих всех в деталях разглядев,
опустишь взор, вникая в каждый образ,
пытаясь, обновившись, в нём найти,
что прежде было сердцу недоступно.
Себя мы в прошлом видим, как в сети,
а будущее нас ввергает в ступор.
Пожалуй, здесь без силы никуда,
чтоб в смерти мира видеть обновленье,
чтоб тротуар (подвижен, как вода)
нёс сам собой дрожащие колени
навстречу ненаставшим временам,
что благодать даруют тем, кто память
смог отпустить, лишь позволяя снам

напоминать тоскливыми ночами
про выглядевшую уютной сеть,
сеть веры, не прошедшей тесты жизни;
так вспомнишь пару стареньких кассет,
чей звук душевный стариною признан.

КНЯЗЮ МЫШКИНУ

Бывают дожди на душе, если книги как тучи.
(Естественно, дождь – обновление, манна небес.)
Но редкий герой в них библейским примером научен,
однако ж наученный отдан несчастной судьбе.

Дитя Достоевского, верная чуткость несчастья,
князь Мышкин; и было б с ним можно вступить в разговор...
...Князь Мышкин, а часто ль встречать нам Аглаю с Настасьей?
И как выбрать нам, чтоб смерть не нашла никого?

Как руку для денег не сунуть нам в пламя – и дальше,
и в чей-то карман, и в сюжеты подстроенных сцен?
и можно ли сделать уют, как в семье генеральши,
и в высший – в поверхностный – свет не попасть, словно в плен.

...Да, эти вопросы, конечно, не ваша забота,
ведь знай вы ответ – не пришлось бы пролить столько слёз.
Князь Мышкин, когда у нас в моду войдут идиоты?
Князь Мышкин, когда нами править начнёт князь Христос?